
БИБЛИОГРАФІЯ.

О происхожденіи книги Товита. Библиологическое изслѣдованіе Н. Дроздова. Киевъ. 1901.

. Въ вопросѣ о происхожденіи той или иной книги съ сомнительнымъ прошлымъ, къ каковымъ должна быть отнесена книга Товита, имѣетъ важное значеніе первоначальный языкъ книги. Но и въ этомъ отношеніи изслѣдователь книги Товита поставленъ въ большое затрудненіе. Первоначальный языкъ ея до сихъ поръ остается искомъ для ученыхъ. Какъ извѣстно, въ настоящее время эта книга существуетъ въ слѣдующихъ текстахъ: 1) въ трехъ различныхъ греческихъ текстахъ, изъ которыхъ одинъ находится въ рукописяхъ александрійской и ватиканской,—другой въ синайской и третій, неполный, въ кодексахъ 14 и 15 вв., 2) въ нѣсколькихъ латинскихъ текстахъ, сохранившихся въ древнелатинскихъ переводахъ и въ вульгатѣ, 3) въ сирскомъ, 4) въ халдейскомъ, найденномъ въ сборникѣ мидрашей и хранящемся въ оксфордской Бодлеевской библиотекѣ, и 5) въ двухъ еврейскихъ текстахъ, открытыхъ Мюнстеромъ и Фагіемъ въ 16 в. Но ни одинъ изъ этихъ текстовъ не можетъ быть признанъ первоначальнымъ, такъ какъ — вслѣдствіе значительныхъ разностей между ними ни одинъ изъ нихъ не объясняетъ происхожденія остальныхъ. Всѣ они представляютъ собою болѣе или менѣе самостоятельные переводы или передѣлки не дошедшаго до насъ первоначальнаго подлинника. И въ вопросѣ, на какомъ языкѣ былъ написанъ оригиналъ книги Товита, ученые до сихъ поръ не пришли еще къ соглашенію. Ихъ выборъ колеб-

лется между древне или ново-еврейскимъ, халдейскимъ и греческимъ языками. Проф. Дроздовъ подробно и основательно разбираетъ всѣ доводы, приводимые западными учеными въ пользу еврейскаго и греческаго подлинника, совершенно справедливо замѣчая, что встрѣчающіеся въ книгѣ Товита гебраизмы и грецизмы, на которые обычно ссылаются ученые, не даютъ основаній къ рѣшенію вопроса о первоначальномъ языкѣ разсматриваемаго произведенія, такъ какъ насколько возможны гебраизмы въ рѣчи іудея—эллиниста, писавшаго на греческомъ языкѣ, настолько естественны и грецизмы въ греческомъ переводѣ съ какого-либо семитическаго языка. Совершенно основательно онъ предпочитаетъ довѣриться двумъ прямымъ историческимъ свидѣтельствамъ Оригена и Иеронима, изъ которыхъ первый писалъ въ письмѣ къ Юлію Африкану, что „евреи не имѣютъ книги Товита въ числѣ апокрифовъ, написанныхъ на еврейскомъ языкѣ“, а второй называетъ ее „книгою написанною (conscriptum) на халдейскомъ языкѣ“. Но этотъ первоначальный халдейскій или арамейскій подлинникъ ни въ какомъ случаѣ не есть халдейскій текстъ Бодлеевской библіотеки. Послѣдній по своему содержанію представляетъ позднѣйшую переработку въ духѣ мидрашей, а въ языкѣ заключаетъ очевиднѣе слѣды своей зависимости отъ греческаго текста.

Но если подлинникъ книги Товита не дошелъ до насъ, то какой изъ существующихъ текстовъ болѣе приближается къ нему?

Этотъ вопросъ авторъ рѣшаетъ путемъ подробнаго критическаго сличенія всѣхъ перечисленныхъ выше текстовъ. Дословное сличеніе ихъ приводитъ его къ признанію зависимости всѣхъ текстовъ, не исключая отчасти и вульгаты, отъ трехъ редакцій греческаго текста. Изъ этихъ трехъ авторъ отдастъ рѣшительное предпочтеніе тексту синайскому, какъ болѣе близкому къ первоначальному подлиннику. Свои симпатіи къ синайскому тексту авторъ мотивируетъ тѣмъ, что текстъ двухъ другихъ древнѣйшихъ рукописей — александрийской и ватиканской, по сравненію съ синайскимъ, отличается слѣдующими особенностями: 1) стремленіемъ къ устраненію растянутости, повтореній, тождесловій и подробностей, ничего новаго не сообщающихъ, 2) стремленіемъ

придать рѣчи ясность и естественность, устранить все, что можетъ показаться невѣроятнымъ или несогласнымъ съ св. Писаніемъ, и опускать точныя хронологическія, топографическія и др. опредѣленія, 3) стремленіемъ исправлять текстъ чрезъ сокращеніе, иногда неудачно, и допущеніемъ очевидныхъ ошибокъ, находящихъ свое объясненіе въ текстѣ синайскомъ, и наконецъ 4) стремленіемъ избѣгать семитическихъ конструкцій, усвоить рѣчи чисто-греческій стиль (стр. 158—163). Всѣ эти особенности, свойственныя тексту александрійской и ватиканской рукописей, по мнѣнію автора, говорятъ за позднѣйшее происхожденіе этого текста, имѣвшаго цѣлью исправить текстъ синайской рукописи.

Не знаемъ, насколько убѣдительно покажутся доводы автора ученымъ библіологамъ; насъ же лично они убѣждаютъ мало. Мы готовы даже сказать, что они склоняютъ насъ къ обратнымъ заключеніямъ. На самомъ дѣлѣ, растянутость, подробности, ничего новаго не сообщающія, повторенія и тождесловія, свойственныя синайскому тексту, по общепринятому у критиковъ мнѣнію, служатъ въ большинствѣ случаевъ признакомъ не древности и первоначальности перевода, а его позднѣйшаго происхожденія, являясь слѣдствіемъ позднѣйшихъ наслоеній, имѣющихъ свой источникъ въ устныхъ преданіяхъ, перифразахъ, толкованіяхъ и во вторичныхъ переводахъ, помѣщаемыхъ первоначально на поляхъ, и т. д. Переводъ LXX страдаетъ значительною растянутостью сравнительно съ еврейскимъ текстомъ, и это почти всегда служитъ признакомъ позднѣйшаго происхожденія чтенія LXX. Лишь одна книга Іереміи какимъ то непонятнымъ образомъ у LXX оказалась значительно короче, чѣмъ въ еврейскомъ текстѣ. И лучшіе современные критики предпочитаютъ поэтому греческій текстъ книги Іереміи еврейскому тексту. Точно также растянутость александрійской рукописи сравнительно съ ватиканской и экзаплярнаго текста сравнительно съ древне-александрійскимъ есть признакъ ихъ болѣе поздняго происхожденія. Далѣе. Фактъ, что въ александрійской и ватиканской рукописяхъ отсутствуетъ то, что можетъ показаться сомнительнымъ, маловѣроятнымъ и несогласнымъ съ Св. Писаніемъ, самъ по себѣ не можетъ еще говорить за позднѣйшее происхожденіе текста ихъ. Едва ли не чаще всѣ плюсы съ характеромъ маловѣроят-

нымъ и сомнительнымъ являются плодомъ наслоеній времени, а минусы такого рода напротивъ признакомъ древности и первоначальности. Отсутствие точныхъ хронологическихъ, топографическихъ и др. указаній въ алекс. и ватик. рукописяхъ трудно объяснить изъ стремленія переводчика выпускать излишнія подробности. На самомъ дѣлѣ, что могло побудить его опускать увеличивающія довѣріе и интересъ читателя къ повѣствованію числа и имена, еслибы таковыя находились въ подлинникѣ? Это могло бы случиться лишь потому, что переводчикъ не понялъ и не отдалъ себѣ отчета въ указаніяхъ подлинника. Но это могло имѣть мѣсто, очевидно, лишь до существованія такого греческаго перевода, въ которомъ былъ данъ правильный переводъ непонятныхъ мѣстъ. Напротивъ весьма естественно предположить, что позднѣйшій переводчикъ или справщикъ дополнилъ текстъ новыми хронологическими, топографическими и др. указаніями на основаніи устныхъ преданій или личныхъ соображеній, догадокъ и сближеній. Наконецъ, присутствіе неопредѣленныхъ и неясныхъ выраженій, обиліе семитическихъ конструкцій въ текстѣ синайскомъ, по обычному мнѣнію критиковъ, служитъ признакомъ позднѣйшаго происхожденія перевода, напротивъ чисто-греческій стиль—признакомъ первоначальности и древности перевода. На самомъ дѣлѣ, послѣдующіе переводы обыкновенно бываютъ буквальнѣе предшествующихъ, и самое появленіе ихъ объясняется желаніемъ точнѣе и буквальнѣе передать текстъ подлинника. Греческіе переводы Акилы, Симмаха и Θεодотіона отъ перевода LXX отличаются буквальностью, точностью и близостью къ семитическимъ конструкціямъ.

Вторую часть своего изслѣдованія (стр. 248—529) проф. Дроздовъ посвящаетъ оцѣнкѣ историческаго достоинства книги Товита. Въ то время какъ почти всѣ католическіе ученые, признающіе каноническое достоинство книги Товита, считаютъ ее исторически достовѣрною во всемъ ея объемѣ, остальные западные ученые, не стѣсняемые необходимостью признанія католическаго канона, отрицаютъ достовѣрность книги, одни всецѣло, другіе—отчасти. Профессоръ Дроздовъ примыкаетъ къ мнѣнію первыхъ, выражая полное убѣжденіе въ историческомъ характерѣ книга Товита и въ достовѣрности ея содержанія (стр. 528). Первымъ основані-

емъ его убѣжденія служить то высокое уваженіе, какимъ пользовалась книга Товита въ восточной и западной церкви до 16 в. Книга Товита вмѣстѣ съ другими неканоническими книгами вошла въ библейскій кодексъ александрійскихъ іудеевъ и въ древнѣйшихъ греческихъ и латинскихъ спискахъ помѣщалась среди книгъ каноническихъ. Все это показываетъ, что она ставилась христіанами съ самыхъ древнихъ временъ болѣе или менѣе на одинъ уровень съ прочими книгами Св. Писанія и слѣдовательно признавалась чуждою какихъ либо вымысловъ или извращеній истины (стр. 263—4). Также отцы и учителя восточной церкви признавали въ полномъ объемѣ буквальную, историческую достовѣрность книги Товита, пользуясь ею наравнѣ съ другими книгами Св. Писанія. Климентъ Ал. и Оригенъ называютъ ее *γραφή* и *θεϊος λόγος*, каковыя названія употребляются обыкновенно въ примѣненіи къ каноническимъ книгамъ. Со времени Августина въ западной церкви книга Товита стала считаться каноническою. Взглядъ на книгу Товита измѣнился на западѣ со времени реформации. Лютеръ причислилъ ее къ апокрифамъ, т. е. къ обыкновеннымъ человѣческимъ произведеніямъ назидательнаго характера, и уже этимъ самымъ допустилъ въ ней возможность намѣренныхъ и ненамѣренныхъ уклоненій отъ истины и дѣйствительности. Воззрѣнія Лютера на книги Св. Писанія имѣли большое вліяніе на послѣдующихъ изслѣдователей книги Товита. Разрушая церковныя преданія и руководясь исключительно научною критикою, ученые—рационалисты стали отрицать историческій характеръ этой книги. Они исключили изъ нея все чудесное и сверхъестественное, какъ вымышленное; и это понятно: люди, не вѣрующіе въ чудеса, не могли поступить иначе.

Приведенныя нами сужденія автора, по нашему мнѣнію, страдаютъ нѣкоторою неопредѣленностью, шаткостью и предвзятостью. Авторъ, конечно, прекрасно знаетъ, что помѣщать неканоническія книги рядомъ съ каноническими и пользоваться цитатами изъ нихъ на ряду съ цитатами изъ каноническихъ писаній не значитъ еще ставить тѣ и другія болѣе или менѣе на одинъ уровень. Ап. Гуда въ своемъ посланіи пользуется апокрифической книгой Эноха и псевдепиграфомъ *ἀνάληψις Μουσέως*; но это не значитъ, что онъ

ставилъ ихъ болѣе или менѣе на одинъ уровеньъ съ писаніями боговдохновенными. Если у нѣкоторыхъ немногихъ церковныхъ писателей, не имѣвшихъ возможности точнѣе ознакомиться съ составомъ еврейскаго канона, и были попытки приравнивать книгу Товита къ книгамъ каноническимъ, то древняя восточная церковь въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей смотрѣла на нихъ, какъ на отступленія отъ истины, считая каноническими лишь книги, входившія въ составъ еврейскаго канона. Но отрицаніе каноническаго достоинства книги есть отрицаніе ея боговдохновенности. Отсюда, какъ бы ни было велико уваженіе церкви къ неканоническимъ книгамъ, между ними и писаніями каноническими останется всегда цѣлая пропасть, какъ между боговдохновенными писаніями и человѣческими, хотя весьма полезными, произведеніями. Какъ небоговдохновенная, неканоническая книга можетъ быть не чужда ошибокъ и заблужденій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ самому автору. Отсюда, церковь, признавая нравственно-практическую пользу употребленія и чтенія неканонической книги, предоставляетъ оцѣнку ея съ исторической стороны всецѣло наукѣ; она не беретъ, такъ сказать, подъ свою отвѣтственность автора ея, какъ это дѣлаетъ она съ боговдохновенными писателями. Если въ изученіи каноническихъ книгъ научный критицизмъ долженъ ограничиваться признаніемъ боговдохновенности ихъ, то въ изслѣдованіи неканонической письменности этихъ границъ церковь не полагаетъ. Древняя восточная церковь отдавала предпочтеніе переводу LXX передъ текстомъ еврейскимъ, но дѣлая это на практикѣ, она не возводила сего въ догму, предоставляя сличеніе текстовъ свободному изслѣдованію разума. Такъ поступаетъ православная церковь и доселѣ. Лишь католическая церковь нашла нужнымъ наложить узы на научное изслѣдованіе истины, канонизовавъ съ одной стороны каноническія и апокрифическія книги, съ другой стороны текстъ вульгаты.

Признавая полную историческую достовѣрность книги Товита, авторъ даетъ объясненіе и всѣмъ тѣмъ затрудненіямъ, на которыя указываютъ западные ученые, отрицающіе историческій характеръ этой книги. Фактъ, что о книгѣ Товита нѣтъ упоминанія ни въ ветхозавѣтныхъ, ни въ новозавѣт-

ныхъ писаніяхъ, ни въ произведеніяхъ І. Флавія, Филона и другихъ древнихъ писателей, не говоритъ по мнѣнію автора противъ исторической достовѣрности книги, такъ какъ это могло быть случайностью, сверхъ того отсутствіе свидѣтельствъ изъ дохристіанской эпохи о книгѣ Товита вполне вознаграждается обиліемъ свидѣтельствъ изъ христіанскихъ временъ. Указываютъ на то, что по книгѣ Товита (VI, 3—6) Товія схватилъ рыбу, хотѣвшую *поглотить* его, и, испекши, съѣлъ ее. Но по тексту синайской рукописи рыба хотѣла поглотить не его самого, а ногу (*τὸν πόδα*) его. Считаютъ невозможнымъ, чтобы Сарра могла семь разъ выходить замужъ (VII, II). Но за возможность подобнаго случая говорить вопросъ саддукеевъ, изложенный въ Мат. XXII, 25—32. Въ пользу отрицанія историческаго характера книги Товита указываютъ на чудесный, сверхъестественный характеръ ея повѣствованій, въ частности на особенности ея ангелологіи и демонологіи. Но придавать значеніе первымъ возраженіямъ значить, по автору, отказаться отъ вѣры въ божественное откровеніе и отвергнуть достовѣрность повѣствованія каноническихъ книгъ св. Писанія. „Нельзя отрицать, говоритъ онъ, что ангелологія и демонологія книги Товита представляютъ нѣкоторыя особенности, не встрѣчающіяся въ доплѣнной библейской письменности. Но это не значить, что въ тѣ времена, къ которымъ относится происхожденіе послѣдней, эти особенности не входили въ область вѣровавшаго іудейскаго народа, и что они не обосновываются на божественномъ откровеніи: онѣ могли проистекать изъ церковнаго преданія... Если въ книгахъ Новаго Завѣта не всѣ истины христіанской вѣры получили раскрытіе, но нѣкоторыя изъ нихъ словесно были сообщены ближайшими учениками Спасителя христіанской Церкви и сохранялись въ послѣдней путемъ преданія; то тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать о книгахъ Ветхаго Завѣта (стр. 364). Такимъ образомъ нѣкоторыя частности въ ученіи объ ангелахъ, не встрѣчающіяся въ каноническихъ книгахъ Ветхаго Завѣта, могли проистекать изъ божественнаго откровенія и быть заимствованы писателемъ книги Товита изъ церковнаго преданія подобно прочимъ писателямъ неканоническихъ книгъ“ (367). Впрочемъ, писатель книги Товита, какъ лишенный озаренія свыше, могъ воспользоваться, говоритъ авторъ, искаженными истинами,

поэтому слѣдуетъ рѣшить вопросъ, согласны ли его воззрѣнія съ ученіемъ каноническихъ книгъ.

Эти разсужденія намъ кажутся недостаточно ясными. Противъ возможности того, что евреямъ сообщено было пророками болѣе того, что было записано въ ихъ книгахъ, спорить конечно нельзя. Но предположеніе такой возможности безцѣльно и бесплодно, такъ какъ ни въ чемъ мы не найдемъ ручательства того, была ли извѣстная особенность въ ученіи достояніемъ истиннаго еврейскаго преданія или измышленіемъ человѣческаго ума. Въ этомъ случаѣ не можетъ помочь и сопоставленіе съ книгами неканоническими. Разъ въ неканонической книгѣ признается особенность въ нѣкоторыхъ пунктахъ ученія, не встрѣчающаяся въ книгахъ каноническихъ, хотя и не противорѣчащая имъ, она одинаково можетъ имѣть своимъ источникомъ какъ истинное преданіе, такъ и человѣческое измышленіе. И брать на себя трудъ категорически утверждать первое, едва ли благодарное дѣло. Но дѣйствительно ли такъ согласны съ ученіемъ каноническихъ книгъ особенности ангелологии и демонологіи въ книгѣ Товита?

На вопросъ Товита о родѣ и имени, ангель Рафаиль отвѣтилъ: „я Азарія, сынъ Ананіи, изъ братьевъ твоихъ“ (V, 13). Не смотря на всевозможныя ухищренія толкователей, имъ не удается устранить ихъ этихъ словъ элемента очевиднаго, прямого обмана. Этотъ обманъ остается безпримѣрнымъ въ каноническихъ книгахъ Св. Писанія. О зломъ духѣ Асмодеѣ въ книгѣ Товита говорится, что онъ, любя Сарру, избивалъ всѣхъ мужей ея, прикасавшихся къ ней, пока наконецъ не былъ изгнанъ чрезъ куреніе сердца и печени рыбы. Хотя авторъ на основаніи синайской рукописи и отрицаетъ привильность чтенія александрійской и ватиканской рукописей, а также кодексовъ 14 и 15 вв.: *αλεξὶ αυτῆρ*, однако это составляетъ самый естественный мотивъ для убійства Асмодеемъ семи мужей, прикасавшихся къ Саррѣ. И синайская рукопись наравнѣ съ прочими замѣчаетъ, что Асмодей никому не причинялъ зла, кромѣ прикасавшихся къ Саррѣ. Авторъ говоритъ, что образъ дѣйствій Асмодея, *мучившаго* Сарру и лишившаго ее семи мужей, несоединимъ съ любовью и показываетъ, что Асмодей не любилъ Сарру даже и нечистою любовью (стр. 390). Но нечистая любовь,

соединенная съ ревностью, такъ именно и поступаетъ. Предполагать, что Асмодеи были посланы Богомъ для наказанія Сарры, въ текстѣ нѣтъ никакихъ основаній. Напротивъ тотъ фактъ, что Богъ для освобожденія Сарры отъ Асмодея посылаетъ ангела, показываетъ, что, по представленію автора книги Товита, Асмодеи дѣйствовали самостоятельно. Когда Товія, вошедши въ спальню новобрачной, покурить сердцемъ и печенью рыбы, демонъ, ощутивъ этотъ запахъ, убѣжалъ въ верхнія страны Египта, гдѣ и былъ связанъ ангеломъ (VIII, 2—3). Несмотря на всѣ усилія толкователей, и это повѣствованіе всегда будетъ говорить противъ исторической достовѣрности книги. Напрасно авторъ добавляетъ: „Товія покурить сердцемъ и печенью рыбы, присоединивъ къ этому вещественному средству молитву къ Богу“ (стр. 391). Ни о какой молитвѣ Товіи къ Богу, предшествовавшей изгнанію Асмодея, въ текстѣ книги нѣтъ рѣчи. По книгѣ демона удаляетъ запахъ рыбы, оцутимый имъ (алекс и ват: *ἀσφράδην τῆς ὀσμῆς*; син.: *ἡ ὀσμὴ ἐκώλυσε*). Авторъ считаетъ это сверхъестественнымъ, чудеснымъ явленіемъ, сближая его съ фактомъ исцѣленія отъ укушенія змѣями при взглядѣ на мѣднаго змѣя. Сближеніе это неосновательное. Змѣи были посланы Богомъ для наказанія израиля за ропотъ его. А мѣдный змѣй былъ поставленъ послѣ того, какъ народъ обратился къ Моисею съ словами: „согрѣшили мы, что говорили противъ Господа и противъ тебя; помолись Господу, чтобы Онъ удалилъ отъ насъ змѣевъ“ (Числ. XXI, 6—7). Дѣйствіе молитвы сказалось на тѣхъ, кто просилъ молитвы и самъ слѣдовательно участвовалъ въ ней. Въ происшествіи же, рассказанномъ въ книгѣ Товита, дѣйствуетъ не молитва, а запахъ рыбы, и дѣйствіе его направляется непосредственно на демона. Стараніе автора придать словамъ книги Товита: „демонъ убѣжалъ въ верхнія страны Египта, и связалъ его ангель“, на основаніи Апок. XX, 2—3, значеніе образнаго выраженія не оправдывается историческою формою повѣствованія книги Товита.

Въ числѣ особенностей ангелологии книги Товита, несогласныхъ съ ученіемъ Св. Писанія, указываютъ на XII, 15: „Я—Рафаилъ, одинъ изъ семи ангеловъ, которые возносятъ молитвы святыхъ и восходятъ предъ славу Святаго“. О томъ, что ангелы ходатайствуютъ за людей предъ Богомъ,

Св. Писаніе не разъ говоритъ; но въ немъ нѣтъ указаній на то, чтобы они возносили молитвы людей. Разница между тѣмъ и другимъ весьма важная по своему богословскому смыслу. Проф. Дроздовъ замѣчаетъ на это, что указаніе „на семь ангеловъ, возносящихъ молитвы святыхъ“ (XII, 15), находится лишь въ алекс. и ватик. рукописяхъ, но его нѣтъ въ рукописи синайской. Это правда, но тоже въ сущности находится и въ этой послѣдней въ XII, 12: *ἐγὼ προσήγαγον τὸ μνημόσυνον τῆς προσευχῆς ὑμῶν ἐνώπιον τῆς δόξης Κυρίου* (я возносилъ память молитвы вашей предъ славу Господа).

Кромѣ внутреннихъ несообразностей, западные ученые находятъ въ книгѣ Товита историческія, хронологическія и тому подобныя затрудненія. Такъ по этой книгѣ, Товитъ, принадлежавшій къ колѣну нефѣалимову, былъ взятъ въ плѣнъ Енемессаромъ или Салманассаромъ, царемъ ассирійскимъ; по 4 Цар. (XV, 29) *все* колѣно нефѣалимово было переселено въ Ассирію Феглаѳелласаромъ. По книгѣ Товита Сеннахеримъ называется сыномъ Салманассара или Енемессара (I, 5), тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ сыномъ Саргона. Ниневія по книгѣ Товита была разрушена Навуходоносоромъ и Ассиуромъ или Ахиахаромъ (XIV, 15), по свидѣтельству же историковъ она разрушена Набополассаромъ и Кіаксаромъ. Товія и Рафаиль, отправившись изъ Ниневіи въ Раги по направленію къ Екбатанамъ, вечеромъ того же дня пришли къ рѣкѣ Тигру, но этого въ дѣйствительности не могло быть какъ потому, что и самая Ниневія лежала при рѣкѣ Тигрѣ и именно на восточномъ берегу ея, такъ потому, что путники должны были направляться не на западъ (т. е. къ рѣкѣ Тигру), а на юговостокъ (т. е. далѣе отъ нея); здѣсь ошибочно названъ Тигръ вмѣсто большаго Заба. По синайскому тексту книги Товита, признаваемому проф. Дроздовымъ за лучший, ангелъ опредѣляетъ разстояніе между Екбатанами и Рагами двумя днями пути (V, 6), тогда какъ разстояніе это въ дѣйствительности превосходило 40 миль, и Александръ Мак., по свидѣтельству Арріана, употребилъ на походъ изъ Екбатанъ въ Раги 11 дней.

Указаннымъ затрудненіямъ авторъ даетъ такое объясненіе. Салманассаръ по 4 Цар. (XVII, 5) пошелъ на *всю* землю израилеву; слѣдовательно и здѣсь не исключается колѣно

нефеалимово. Имя Енемессара или Салманассара въ книгѣ Товита явилось по ошибкѣ вмѣсто имени Саргона, а можетъ быть было другимъ именемъ того же царя ¹⁾. Навуходоносоръ и Ассиуръ представляются виновниками разрушенія Ниневіи по тексту алекс. и ватик. рукописей; по синайскому же тексту она разрушена Ахіахаромъ. Это же имя, по мнѣнію автора, явилось, безъ сомнѣнія по ошибкѣ, вслѣдствіе смѣшенія сходныхъ именъ Ахіахаръ и Кіаксаръ. Впрочемъ онъ не приводитъ въ пользу замѣны одного имени другимъ никакихъ доказательствъ. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что чтеніе Ахіахаръ въ синайскомъ кодексѣ замѣнено позднѣйшей рукой именемъ Навуходоносора (см. у Свита). Рѣка Тигръ, говоритъ авторъ, вблизи Ниневіи имѣетъ значительное уклоненіе къ востоку, такъ что огибаетъ болѣе половины южной части этого города. Неудивительно поэтому, что Товія, пройдя нѣкоторое разстояніе отъ Ниневіи, снова подошелъ къ Тигру. Но Товія съ спутникомъ, прежде чѣмъ дойти до Тигра, прошли дневной путь и остановились около рѣки на ночь. Между тѣмъ ихъ путь къ Екбатанамъ лежалъ по отношенію къ Тигру подъ угломъ приблизительно въ 75 град. (см. карту Ассиріи въ *Dictionnaire de la Bible Vigouroux*). Такимъ образомъ Товія удалялся приблизительно на одинаковое разстояніе отъ Ниневіи и отъ Тигра. Самъ авторъ видимо признаетъ это затрудненіе, допуская, что писатель книги Товита назвалъ Тигромъ—притокъ ея большой Забъ. Путь отъ Екбатанъ до Рагъ Оливье проѣхалъ въ одну недѣлю; Кеппель, ѣхавшій на лошади, употребилъ на него только шесть дней; курьеръ же можетъ совершить путь въ 2 дня, т. е. въ срокъ, указанный ангеломъ Рафаиломъ.

Изъ анализа указанныхъ и многихъ другихъ затрудненій, встрѣчающихся въ книгѣ Товита, проф. Дроздовъ приходитъ къ полному убѣжденію въ историческомъ характерѣ этой книги и въ достовѣрности ея содержанія. Встрѣчающіяся во всѣхъ текстахъ этой книги погрѣшности принадлежатъ, по нему, безъ сомнѣнія, не самому писателю книги, а переводчикамъ, справщикамъ и переписчикамъ.

¹⁾ Но въ надписи Саргона прямо сказано, что онъ переселилъ 27,000 жителей Самаріи. Это не противорѣчитъ и 4 Цар. XVII, 11. Какимъ же образомъ могъ быть переселенъ имъ Товитъ?

Въ третьей части своей книги (530—638 стр.) проф. Дроздовъ изслѣдуетъ вопросъ о времени написанія и писателѣ книги. Основанія, по которымъ написаніе книги Товита относится учеными ко времени послѣ плѣна Вавилонскаго, не считаются пр. Дроздовымъ доказательными. Онъ не находитъ слѣдовъ фарисейскаго отчужденія, самооправданія и внѣшняго благочестія въ словахъ Товита: „я, Товитъ, во всѣ дни жизни моей ходилъ путями истины и правды и дѣлалъ много благодѣяній братьямъ моимъ... Тогда все колѣно Нефѣалимово находилось въ отпадении отъ дома Іерусалима, избраннаго отъ всѣхъ колѣнъ израиля, чтобы всѣмъ имъ приносить жертвы... Я же одинъ часто ходилъ въ Іерусалимъ на праздники, какъ предписано... съ начатками и десятинами произведеній земли и начатками шерсти овецъ (I, 2—6). Всѣ братья мои и одноплеменники мои ѣли отъ снѣдей языческихъ, а я соблюдалъ душу свою и не ѣлъ (—10. 11). Я дѣлалъ много благодѣяній братьямъ моимъ: алчущимъ давалъ хлѣбъ мой, нагимъ одежды мои“ (16—17). „Раздавай хлѣбы твои при гробѣ праведниковъ, но не давай грѣшникамъ“ (IV, 17). Подобнаго рода мысли и чувства можно находить по мнѣнію автора и въ дополненныхъ книгахъ В. З. (напр. Числ. XII, 3; Пс. XVII, 21 — 25; 2 Цар. XXII, 21 — 25). Признаки позднѣйшаго происхожденія изложенныхъ въ книгѣ Товита воззрѣній на добрыхъ и злыхъ духовъ авторъ отрицаетъ, какъ мы уже видѣли, находя ихъ вполне согласными съ ученіемъ каноническихъ книгъ. На возраженіе, что книга Товита была бы включена въ канонъ палестинскій, еслибы была написана до плѣна вавилонскаго, авторъ отвѣчаетъ тѣмъ, что предполагаетъ причину невнесенія ея въ канонъ или въ внѣпалестинскомъ происхожденіи книги, или въ арамейскомъ языкѣ ея. Но авторъ почему то не придаетъ важности тому, что въ каноническихъ книгахъ есть отдѣлы, написанные на арамейскомъ языкѣ и не исключенные изъ канона, и что книга пр. Даниїла написана внѣ Палестины.

Однимъ изъ доводовъ въ пользу послѣднѣйшаго происхожденія книги Товита служитъ то, что авторъ повидимому знаетъ о храмѣ Зоровавеля и о возвращеніи іудеевъ изъ плѣна. Въ XIV, 4 — 5 составитель книги отъ лица Товита говоритъ: „Іерусалимъ будетъ пустынею, и домъ Божій въ

немъ будетъ сояженъ и до времени останется пусть. Но опять Богъ помилуеъ ихъ и возвратитъ ихъ въ землю; и воздвигнуть домъ Божій, не такой, какъ прежній, доколѣ не исполнятся времена вѣка. И послѣ того возвратятся изъ плѣна и построятъ Іерусалимъ великолѣбно (*ἐντίμως*), и домъ Божій возстановленъ въ немъ на всѣ роды вѣка — зданіе величественное (*ἐνδόξως*), какъ говорили о немъ пророки“. Такъ какъ Товитъ не былъ пророкомъ, и книга его имени не богодухновенная, то пророчество Товита всего естественнѣе понимать, какъ *vaticinium ex eventu*, т. е. какъ описаніе совершившагося факта. Иначе смотритъ на дѣло проф. Дроздовъ. Онъ не только не видитъ въ приведенныхъ словахъ указанія на послѣплѣнное происхожденіе книги Товита, но на нихъ главнымъ образомъ основываетъ свое мнѣніе о написаніи ея до плѣна. Указаніе на вѣчность второго храма, какъ и пророчество о возстановленіи Іерусалима на вѣчныя времена изъ сапфира, смарагда и дорогихъ камней (XIII, 16—18) говоритъ, по его мнѣнію, за то, что Іерусалимъ и храмъ разумѣются здѣсь не вещественные, а духовные, обозначая собою вѣчное мессіанское царство. А выраженія: „построятъ Іерусалимъ великолѣбно“ и „домъ Божій—зданіе величественное“, показываютъ, что составитель книги Товита не зналъ того храма Зоровавеля, глядя на который современники плакали отъ огорченія. Нельзя сказать, чтобы приведенное мѣсто говорило много въ пользу мнѣнія проф. Дроздова. Даже если мы признаемъ, что авторъ книги предсказываетъ о вѣчномъ мессіанскомъ царствѣ, всеже мы не освобождаемся отъ необходимости подъ возстановленіемъ Іерусалима и построеніемъ храма разумѣть извѣстные историческіе факты, каковыя всегда и служатъ точкою отправленія для мессіанскихъ пророчествъ. Слѣдовательно, составитель книги Товита зналъ о возвращеніи іудеевъ и возстановленіи Іерусалима и храма. Мы не говоримъ уже о томъ, что надежда на вѣчное существованіе Іерусалима и храма ничего болѣе не означаетъ, какъ то что авторъ не дожидъ до вторичнаго разрушенія ихъ. Греческія слова: *ἐντίμως* и *ἐνδόξως*, прилагаемыя къ возстановленному Іерусалиму и храму не говорятъ собственно о богатствѣ ихъ, а указываютъ на то уваженіе, которымъ будутъ пользоваться они. Любопытно, что въ синаитскомъ

текстъ, обыкновенно предпочитаемомъ нашимъ авторомъ слова *ἐνδόξος* въ приложеніи къ храму нѣтъ; въ немъ просто говорится о построеніи храма. Другое основаніе въ пользу дополннаго происхожденія книги Товита авторъ находитъ въ неупоминаніи ея о смерти Сарры. Еслибы составитель этой книги зналъ о смерти Сарры, онъ упомянулъ бы о томъ, какъ онъ это дѣлаетъ по отношенію къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ своей исторіи. Значитъ онъ писалъ книгу еще при жизни Сарры. Насколько слабо это основаніе, ясно само собой. Итакъ слѣдуетъ признать, что доводы автора въ пользу дополннаго написанія книги слабѣе доводовъ его противниковъ.

Общее наше впечатлѣніе отъ книги проф. Дроздова таково. Она вызываетъ законное сомнѣніе въ научности своихъ результатовъ въ самыхъ существенныхъ своихъ положеніяхъ. Мы сильно сомнѣваемся, чтобы главные его выводы были приняты даже нашими русскими учеными, которые пожелали бы самостоятельно вникнуть въ изслѣдуемый предметъ; а о западныхъ ученыхъ и говорить нечего. Причина этого въ недостаткѣ научнаго критицизма у автора и въ преувеличенной привязанности его къ древнимъ традиціямъ, не имѣющимъ ни научнаго значенія, ни догматической важности. Но ставъ на шаткую почву неprovѣренныхъ преданій, авторъ привнесъ въ свой трудъ богатѣйшій матеріалъ. Въ этомъ отношеніи едва ли можно сдѣлать болѣе того, что сдѣлалъ авторъ. Богатѣйшая эрудиція автора и необычайная тщательность его работы—главнѣйшія достоинства его труда—дѣлаютъ его изслѣдованіе единственнымъ въ своемъ родѣ и способны вызвать зависть даже католическихъ ученыхъ, этихъ невольныхъ защитниковъ взглядовъ нашего автора.

В. Мышцынъ.
